

Ремус моргнул от тусклого света. Единственное окно находилось слишком высоко. Когда глаза привыкли к полумраку, стала видна убогая обстановка — стулья, застеленные шкурами, и маленький столик с кувшином воды. Кое-как тут можно было освоиться.

— Гуин! — позвал мальчик. Он слышал, как задвинулся тяжелый засов и раздались удаляющиеся шаги. — Гуин, почему нас с сестрой разлучили? Как думаешь, она уцелеет?

Гуин смог дотянуться до окна, но ничего интересного не увидел. Кругом тянулись унылые строения крепости, вдалеке поднималась гряда фиолетовых гор. Равнину делила надвое чернильная лента реки Кес. Вид был довольно унылым, картину усугублял сгоревший накануне лес.

— Не знаю, — ответил воин, отворачиваясь от окна.

— Но... — У Ремуса защипало глаза, и он нервно потер их.

— Если будешь дергаться, ничем ей не сможешь помочь, — сказал Гуин. — Твоя сестра очень храбрая и сможет многое вынести.

— Но этот жуткий Черный Граф... — начал Ремус, но неожиданно зажал себе рот руками.

— Что такое?

— Я слышу какой-то шум.

— Должно быть, это ходит охрана, — предположил Гуин.

— Нет, это что-то еще! — покачал головой мальчик, напряженно прислушиваясь, потом указал на левую стену. — Звук доносится оттуда. Послушай-ка хорошенько!

Гуин ничего не расслышал и пожал плечами. Но Ремус снова указал на стену.

— Слышишь? Как будто кто-то скребется.

— Хм-м, — протянул воин, теперь тоже уловивший странный звук.

— Что это такое?

— Должно быть, крысы.

— Но...

Гуин задумался, глядя на него. Хотя наследники Парросского трона были близнецами, они внутренне совсем не походили друг на друга. Сестра всегда стремилась к главенству, а брат напоминал еще неоперившегося птенца, опасующегося покинуть гнездо.

— Конечно, крысы, — усмехнулся Гуин и вдруг замолчал.

Скрежет прекратился, кто-то начал стучать в стену. Глаза Гуина засверкали.

— Нет, это не крыса, — произнес он таким тихим голосом, что Ремус едва расслышал. — Если только здешние не обладают разумом и не превосходят обычных размерами. Эти твари, конечно, могут грызть стену, но вряд ли они способны подавать сигналы.

— Гуин, — прошептал мальчик, — должно быть, в соседней камере кто-то есть.

— А... — произнес воин, и в этот момент из стены начал выдвигаться камень.

Гуин успел поймать его, чтобы шум не привлек внимания стражника. Из образовавшегося отверстия донесся приглушенный смех.

— Наконец-то, — произнес мужской голос, довольно молодой и бодрый. — Вот теперь можно как следует поговорить.

Ремус хотел что-то ответить, но Гуин положил руку ему на плечо и отвел от стены. Кто знает, может быть, это какая-то уловка Черного Графа?

Не услышав ответа, человек, находившийся в соседней камере, произнес с сомнением:

— Эй, есть там кто-нибудь? Вы бы могли ответить, что никого нет, но ведь это бессмысленно. Я слышал сквозь дрему шаги множества ног и то, как дверь открылась. А захлопнув ее, меня окончательно разбудили. В общем, я знаю, что вы там!

Гуин и Ремус переглянулись. Гуина вновь посетили подозрения, но все же голос незнакомца показался ему приятным.

— Эй, вы слышите? Или так напуганы, что боитесь разговаривать? Или вас так замучили, что вы не в силах шевелить языком? В таком случае ответьте хоть стоном! Или ждете, пока я представлюсь? Я совсем забыл о манерах. Торчу здесь уже давно, с тех пор, как высказал этому

прогнившему графу все, что о нем думаю, и схватился за меч. Меня зовут Иставан Валачский. Я прослужил в Торусе всего несколько дней, и после этого меня отправили в этот склеп. Ведь вся Стафолосская Застава не подходит для живых, верно?

— Что это значит? — спросил Гуин, забыв об осторожности. Но услышав ответ, снова заволновался.

— Ага, кто-то все-таки есть! Но что за голос! Может быть, ты из талуанских великанов, живущих на севере? Или лагонских варваров, или носферусских демонов? Ты разговариваешь так, будто твой рот набит сырым мясом врагов! Но кем бы ты ни был, тебе не хочется здесь оставаться. Спрашиваешь, почему здесь склеп? Да потому, что этот гниющий граф — живой мертвец. Я служу наемником с двенадцати лет, видывал множество крепостей и часто бывал на поле битвы, а зачастую жил в свинарнике, но в подобное место еще не попадал. Итак, я представился, теперь ваша очередь.

— Меня зовут Гуин, — выговорил тот как можно четче. — Меня поймали в лесу. Кажется, Черный Граф хочет, чтобы я сражался для него на турнирах.

— Охотно верю, — откликнулся Иставан по-прежнему дружелюбно. — Этот старый мерзавец всю жизнь наживался за счет невольников. Мы, наемники, немногим отличаемся от них. Ты не предлагал свой меч герцогу монгаулов?

— Насколько знаю, мой меч принадлежит лишь мне одному.

— Вот как? Тогда открою тебе один секрет. Я собираюсь выбраться отсюда сегодня ночью, и если хочешь, можешь бежать со мной. Даже если тебе ничто не угрожает, лучше не оставаться тут ни единой секунды.

— Почему? — Гуин положил руку на плечо Ремусу, чтобы успокоить его, потом пододвинул стул к дыре и уселся, положив ногу на ногу.

— Эта крепость проклята, вот, почему! — ответил Иставан. — Я жил в военном лагере с четырех лет, а с двенадцати сам стал сражаться и превратился в настоящего мужчину. Так что у меня выработались инстинкты, позволяющие выживать в любой обстановке. Уж поверь. Из-за этой способности меня прозвали Колдовским Мечом. И я говорю тебе, что тут обитает злой дух. Даже в этот момент над крепостью висят черные тучи несчастья. Может быть, все дело в чуме, терзающей графа, а может, тут замешано куда большее зло. Словом, это место проклято. Все казармы наемников полны слухами. Никому не ведомо, что происходит в черной башне. К ней не приближается даже личная графская охрана. Но что-то точно происходит. И мне совсем не хочется выяснять, что именно!

— А доказательства есть? — спросил Гуин заинтересованно.

— Есть, и я услышал о них от графской охраны, — ответил Иставан. — Незадолго до того, как

наш отряд прибыл сюда, исчезли три молодых охранника, по одному в неделю. Всех их в последний раз видели у входа в черную башню. Потом пропало несколько лошадей и слуг, а также старик, прислуживавший графу много лет подряд, еще с той поры, когда тот жил в столице. После того как пропал старик, поползли слухи, а черные всадники начали отправляться на какие-то секретные задания, по несколько отрядов сразу. Они уезжали на рассвете и возвращались на закате, и с ними появлялось по трое незнакомцев, закутанных в черные плащи. С тех пор исчезновения прекратились, но никто так и не может во всем разобраться. Гуин молчал.

— Знаешь, я как-то слышал от чародея из Торуса, — продолжал Иставан, — что лишь одна вещь может облегчить страдания, причиняемые черной чумой. Это теплая плоть и кровь живых людей.

На некоторое время повисло молчание, потом он снова заговорил:

— Может быть, я простой наемник, но чувство опасности досталось мне не в дар от демонов. Я способен видеть то, что многие не могут или не желают видеть. И если подозрительных фактов становится слишком много, выстраиваю их в стройную цепочку. Откуда я узнал, что над этой заставой витает смерть? Я догадался: граф приносит в жертву окрестных жителей. Когда всадники отправились на секретное задание в последний раз, с ними приехали пятеро или шестеро... людей, если их можно так назвать. Один из них свалился с лошади, с него упала шапка, и я слышал, как он закричал: «Альфетто! Альфетто!»

— Что еще за Альфетто?

— Бог пустынных земель, — прошептал Ремус. — Ему поклоняются дикари, живущие в Носферусе.

— О великий бог равнин Мос! — воскликнул Иставан. — Вас там что, двое?

— Тише! — прошипел Гуин. — Не буду вдаваться в подробности, но со мной заперт маленький мальчик. А его сестру увели куда-то. Если хочешь, беги, а я должен сперва освободить девочку.

— Гуин! — воскликнул Ремус, хватая его за руку. Через некоторое время из дыры снова донесся голос.

— Девочку увели одну? — спросил Иставан.

— Да, кажется, ее собирались запереть в одиночку.

— Тогда ее готовят.

— Для чего? — воскликнул Ремус испуганно.

Снаружи постучали в дверь тупым концом копья. На некоторое время воцарилась тишина, потом разговор продолжился более тихими голосами.

— Знаете, что я думаю? — сказал Иставан. — Думаю, девчонку увели в отдельную комнату, чтобы использовать... ну, понимаете, для чего.

— Нет! — воскликнул Ремус, содрогаясь. — Я не позволю демонам выпить кровь моей сестры!

Гуин снова положил руку ему на плечо, а Иставан продолжал как ни в чем не бывало:

— В таком случае, у нас гораздо меньше времени, чем мне казалось. По правде говоря, я сильно дергаюсь. Понятно, что рано или поздно племена Сем придут отомстить за всех, принесенных в жертву, и устроят большой набег. Я придумал план. Выложил проклятому графу все, что накопело, полагая, что меня отправят судить в столицу. Ведь я — наемник в монгаульской армии. Но, кажется, перестарался, а может быть, Черный Граф не привык соблюдать военные законы. Вместо того чтобы отправить меня в Торус с первым же почтовым конвоем, он объявил меня преступником и заточил сюда. Наверняка собирается принести в жертву. Но я ничуть не напуган — бывал и не в таких переделках. Иставан Колдовской Меч рожден в рубашке. Мне даже нагадали, что в один прекрасный день приберу к рукам все королевство. Это судьба, и я в нее верю. Сейчас я простой наемник, но когда-нибудь буду править всей этой страной, и ни один демон-кровопийца не встанет на моем пути. Ну а пока мы с вами сбежим отсюда до завтрашнего рассвета.

— У нас тоже есть то, ради чего стоит выбраться отсюда живыми, — сказал Гуин задумчиво и наклонился поближе к отверстию, чтобы его голос слышался яснее. — Ты, наверное, повидал мир. Так вот, не знакомо ли тебе слово «Аурра»?

Ремус нервно прикусил губу, глядя на него. Казалось, они с сестрой путешествовали с этим странным человеком всю жизнь. И лишь теперь вспомнилось, что память гиганта сохранила только одно слово, связывавшее его с прошлым.

— Аурра, говоришь? Вряд ли это название города или страны. Скорее похоже на женское имя, — ответил наемник. Потом неожиданно тревожно вскрикнул: — Во имя двуликого Дзаноза! Во имя мудрости стариков и желаний молодых! С кем я разговариваю?

Гуин сообразил, что тот разглядел через дыру маску леопарда.

— Во имя трех с половиной завитков на хвосте Судьбоносного Дзарна! С каким же чудовищем я разговариваю? Может быть, это болотный демон или бог Сиренос? Ничего подобного я не видел, даже служа в патруле. Был в Городе Уродов, но и там не встречалось таких тварей!

— Я... я... — Гуину никак не удавалось вставить слово, но Иставан сам неожиданно замолчал, потом заговорил уже другим тоном:

— Стража идет! Кажется, несут ужин. Буду очень признателен, если запихнешь выпавший камень на место. Как только они увидят, чем я занимаюсь, меня принесут в жертву раньше срока, и мой план побега пойдет коту под хвост.

— Ладно. — Гуин быстро поднял камень и заткнул дыру. Как раз вовремя. Как только он опустился на лавку, тянущуюся вдоль стены, в коридоре раздались тяжелые шаги. Один из охранников направился к камере Иставана. Было слышно, как окошко в двери отворилось и грубый голос прокричал: «Ужин!» Потом лязгнул засов на двери их камеры, и дверь распахнулась.

На пороге появились люди в черной форме патрульных, державшие в руках факелы. Только теперь узники поняли, что наступил вечер. Они даже не заметили, как за маленьким окошком потемнело. Все, находившиеся в камере, отбрасывали на стены длинные тени.

— Ты пойдешь с нами, — приказал командир, указывая на Гуина. Его забрало было опущено, поэтому пленники не поняли, тот ли это, кто привел их сюда. — Мой лорд собирается испытать твою силу.

Двое других охранников схватили Гуина за руки.

— Гуин! — закричал Ремус, вскакивая, но командир пихнул его обратно.

В камеру вошел тюремщик и поставил на стол миску с вареным мясом и чем-то, напоминавшим печеные овощи, а также кувшинчик с гохрским вином. Это была порция на одного.

— Нам нужен только человек-леопард, — сказал командир и сделал воинам знак удалиться.

Гуин вышел из камеры со своей обычной невозмутимостью. У него как будто было два лица — одно спокойное, другое яростное, и он надевал их попеременно. Как и настоящий леопард, Гуин мог тихо сидеть в течение нескольких часов, не пошевелив ни единым мускулом, и вдруг молниеносно кинуться в схватку, а потом так же быстро успокоиться.

В общем, он ушел с воинами и даже глазом не моргнул. Тяжелая каменная дверь захлопнулась за ним, лязгнув засов, и Ремус оказался один в холодной камере. Стражники оставили факел, воткнув его в подставку на стене, и теперь повсюду плясали устрашающие тени, напоминавшие о демонах.

Могучего друга и защитника увели, неразлучную сестру забрали еще раньше. От горя наследный принц Парроса свернулся клубком на лавке, даже не притронувшись к еде. Шаги стражников затихли, наступила мертвая тишина. Но вскоре снова раздался скрежет — за стеной вновь выталкивали камень.

— Подхвати его со своей стороны, слышишь? — донесся сквозь щель голос Иставана.

Мальчик проворно поднялся и едва успел подхватить падающий камень. Теперь Ремус мог разглядеть в свете факела два блестящих черных глаза. Потом стало видно и все лицо молодого человека.

— Что случилось, малыш? — прошептал тот, вытирая губы после ужина. — Они увели человека-леопарда?

— Да, — ответил мальчик дрожащим голосом. — Ч-черный Граф хочет заставить его сражаться... чтобы проверить силу.

— Ах да, верно. — В голосе Иставана тоже чувствовался некоторый страх, но вместе с тем и любопытство. — Во всяком случае, его не собираются убивать, верно?

Он напряженно вглядывался в полумрак сквозь узкое отверстие.

— Эй, малыш, да на тебе лица нет! Поешь, уверяю тебя, пища не заражена чумой. Если нас решат убить, то сделают это мечом. — Иставан улыбнулся и указал изуродованным пальцем в сторону стола.

— Ты одет совсем не так, как местные жители, — продолжал он. — Как же ты спутался с таким страшилищем и почему тебя схватили, если всадникам понадобилось это чудовище? Клянусь задницей Доала, я не думал, что в Приграничье живут подобные существа, хотя и понимал, что тут гнездятся всякие демоны. Кто же он такой?

— Он добрый, — ответил Ремус, пристально глядя на собеседника.

А тот продолжал, будто и не слышал его слов:

— На твоём месте я бы как следует подкрепился. Тебе нужны силы. Если не хочешь, чтобы тебе пустили кровь, то должен помочь мне. Я уже вытащил из стены достаточно камней, чтобы выбраться из камеры, но вниз просто так не спуститься. Просунь через отверстие простыни. Из них получится веревка, по которой можно спокойно добраться до земли. Конечно, я бы мог сделать из своей простыни полоски потоньше, да боюсь, они не выдержат.

— И что ты собираешься делать внизу? — спросил Ремус, начиная пропихивать простыню в отверстие.

— Пока еще не знаю, малыш, — ответил Иставан, прищелкнув языком. — Мне известно лишь то, что прямо под окнами этой башни текут черные воды реки Кес и что мне необходимо поскорее отсюда выбраться. А ты все-таки поешь. Наемник прежде всего должен запомнить: нельзя браться за дело с пустым брюхом.

Мальчик послушно перекусил, а после прильнул к дыре и стал смотреть, как Иставан

разрывает простыни руками и зубами, а потом связывает из них веревочную лестницу. Попутно он проклинал стражников, не оставивших ему факела. А Ремус думал о том, как тяжка его собственная жизнь. Всего несколько дней назад он был наследным принцем, живущим в теплом и уютном Хрустальном Дворце, а теперь оказался узником этой сырой башни. По щеке скатилась невольная слеза.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, луна посеребрила кроны деревьев, а Гуин все не возвращался. Иставан закончил работу, сказал, что ему нужно набраться сил, и завалился спать. Мальчик вспомнил о своей сестре. Как-то она сейчас? За стенами башни был приграничный лес, в котором они провели две ночи. Над ним поднимались таинственные тени.

Ремус тоже лег на лавку, готовясь впервые в жизни провести ночь в одиночестве. Ему представился Судьбоносный Дзарн — с длинной бородой, лошадиными копытами, хвостом, закрученным на три с половиной оборота, и единственным глазом, способным видеть конец времен. Куда он повернет колесо своей прялки? От того, какой гобелен соткет этот бог, зависят все людские судьбы.

Гуин по-прежнему не возвращался, а Иставан, словно забывший о предстоящем побеге, всю ночь храпел за стеной. Над крепостью плыли черные тучи, предвещавшие большую бурю, и в сон воинов закрадывался неосознанный страх.

<http://tl.rulate.ru/book/16097/325256>